

УДК 378.14+378.18

ББК 74.03(2)

DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-147-158

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ДЕСТРУКТИВНОГО ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РОССИЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО И МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭТОМУ ПРОЦЕССУ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX вв.

А. Н. Рыжов

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена ростом опасных форм индоктринации как феномена идеологической обработки и пропаганды, затрагивающей молодое поколение. В статье проводится комплексный анализ деструктивных форм информационно-психологического и политического воздействия на российское студенчество во второй половине XIX – начале XX в. и мер противодействия этим процессам в отечественном высшем образовании. Основная цель статьи – выявить этапы и механизмы влияния радикальных политических сил на студентов, а также рассмотреть опыт реакции вузов и государственных органов на студенческие протесты и противоправную деятельность. В статье анализируются социальные и политические причины студенческих выступлений, роль преподавателей и нелегальных организаций в распространении антигосударственных идей, а также отрицательные последствия манипуляций сознанием молодежи для образовательного процесса и государственности. В статье использованы как опубликованные, так и архивные материалы. В заключение подчеркивается важность учета исторического опыта противодействия индоктринации для разработки современных методик формирования у обучающихся устойчивого критического мышления и противодействия деструктивному влиянию в образовательной среде.

Ключевые слова: история образования, высшее образование, российское студенчество, индоктринация, деструктивное политическое воздействие, информационно-психологическое влияние, студенческие протесты, критическое мышление.

© Рыжов А. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Рыжков А. Н. Анализ различных форм деструктивного информационно-психологического и политического воздействия на российское студенчество и мер противодействия этому процессу в истории отечественного высшего образования второй половины XIX – начала XX вв. // Наука и школа. 2025. № 6. С. 147–158. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-147-158.

ANALYSIS OF VARIOUS FORMS OF DESTRUCTIVE INFORMATIONAL,
PSYCHOLOGICAL AND POLITICAL IMPACT ON RUSSIAN STUDENTS
AND MEASURES TO COUNTERACT THIS PROCESS IN THE HISTORY
OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

A. N. Ryzhov

Abstract. The relevance of the study stems from the growth of dangerous forms of indoctrination as a phenomenon of propaganda affecting the younger generation. The article provides a comprehensive analysis of destructive forms of informational, psychological and political influence on Russian students in the second half of the 19th – early 20th century and measures to counteract these processes in Russian higher education. The main purpose of the article is to identify the stages and mechanisms of the influence of radical political forces on students, as well as to consider the experience of the reaction of universities and government agencies to student protests and illegal activities. The article analyzes the social and political causes of student protests, the role of teachers and illegal organizations in spreading anti-state ideas, as well as the negative consequences of manipulating youth consciousness for the educational process and statehood. The article uses both published and archived materials. In conclusion, the importance of taking into account the historical experience of countering indoctrination is emphasized for the development of modern methods for the formation of students' sustainable critical thinking and countering destructive influence in the educational environment.

Keywords: history of education, higher education, Russian students, indoctrination, destructive political influence, informational and psychological influence, student protests, critical thinking.

Cite as: Ryzhov A. N. Analysis of Various Forms of Destructive Informational, Psychological and Political Impact on Russian Students and Measures to Counteract this Process in the History of Russian Higher Education in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *Nauka i shkola*. 2025, No. 6, pp. 147–158. DOI: 10.31862/1819-463X-2025-6-147-158.

В Российской Федерации фиксируется усиление деструктивной стороны такого явления, как «индоctrинация», трактуемого в значениях «идеологизация», «идеологическая обработка», «внушение идей», «вербовка», «пропаганда» и др. [1, с. 3], некритического принятия в обществе чужих идей. Под подобное влияние попадают и учащиеся средних и высших учебных заведений. Понимание того, что российские учащиеся – это будущие ученые, государственные деятели, специалисты в различных отраслях производства и пр., от содержания подготовки, мировоззрения

и системы ценностей которых во многом зависит благосостояние страны, позволяет осознать важность изучения деструктивных сторон индоктринации. Поэтому крайне важно предотвращение пагубного информационно-психологического и политического влияния на российское общество, и в особенности на обучающихся. Существенную помощь в этом может оказать обращение к изучению и анализу исторического опыта в данном вопросе, и прежде всего второй половины XIX – начала XX вв. – периода массового внедрения в сознание российского общества якобы «благородных» идей политических убийств ради «освобождения» страны, революционного террора, значимости политических забастовок, неповиновения власти и пр. А наиболее подверженными этим деструктивным идеям были учащиеся и студенты. Ниже будет рассмотрен процесс постепенного овладевания умами российского студенчества со стороны радикальных политических сил в целях поэтапного расшатывания политической ситуации в стране и захвата власти. Выделение студентов педагогических направлений подготовки не производилось, поскольку преподавателями средних учебных заведений во второй половине XIX – начале XX в. выступали выпускники любого технического или гуманитарного вуза.

Первые протестные выступления студентов, носившие организованный характер, относились еще к 1850-м гг. и имели, как правило, социальные причины: несправедливое, по мнению студенчества, отчисление ряда сокурсников из университета за пьяный дебош или неповиновение полиции [2, с. 1]. В основе этих конфликтов лежали издержки дворянского воспитания студентов, вследствие которого они смотрели на жизнь как на приятное времяпрепровождение. Какого-либо массового политического влияния на студентов пока не оказывалось. Схожие причины были и у студенческих протестов 1860-х гг. Определенной вехой в изменении характера выступлений студентов становится 1870–1880-е гг., когда в центре студенческих протестов лежали уже недовольство организацией образовательного процесса, вузовской инспекцией или решением властей в области просвещения. Расширяются и форматы протестов: они дополняются забастовками (массовым невыходом на занятия), петициями, агитацией и привлечением других студентов к неисполнению своих обязанностей [2, с. 4–5]. Со второй половины 1880-х гг. информационно-психологическое влияние на студенчество дополняется политическим влиянием со стороны либеральных или социалистических группировок и организаций. Помимо внешнего влияния на жизнь вузов, с конца 1880-х гг. стали создаваться тайные студенческие организации на основе националистических или революционных идей. Нередко у истоков, а иногда и в руководстве этих организаций стояли преподаватели и профессора высших учебных заведений.

Верховная власть в лице императора довольно четко обозначила свою позицию по реакции на студенческие беспорядки в 1890-х гг.: «Разъяснение и указание увекающейся молодежи существа ее добровольно избранного призыва и границ ее прав и обязанностей» [3, с. 3]. То есть речь шла не о репрессивных мерах и отчислениях, а о напоминании студентам о необходимости добросовестной учебы ради будущего страны. Ректоры вузов по-разному реагировали на студенческие протесты. Например, руководство Казанского университета избрало именно такую – «педагогическую» линию и выработало решение на основе точки зрения общего собрания профессоров университета: улучшить работу по «умственному образованию молодежи и нравственно-воспитательному воздействию на нее» [3, с. 5]. Также подчеркивалась важная идея преемственности образовательной политики на всех ступенях образования [4]. Однако благоразумные решения руководства страны или ряда ректоров высших учебных заведений лишь несколько сдерживали, но не останавливали

деструктивные или преступные действия со стороны студентов. Причины успешного информационно-психологического влияния антиправительственных политических сил на студенчество отмечалось и Министром народного просвещения Н. П. Боголеповым, который в своем циркуляре подчеркивал, что ключевая причина популярности деструктивных идей в настроениях студенчества лежит в слабом внимании руководства вуза и многих преподавателей к нуждам студентов, зачастую нежелание их узнавать и «устанавливать нравственную связь с ними» [3, с. 19]. Как ни парадоксально, но именно идеи «кастовости», социальной привилегированности высшего образования и снижения его доступности для «низших» сословий повышало риски постепенной потери вузами своих первостепенных задач: развитие научного и образовательного потенциала страны [5]. Этим и пользовались успешно политические агитаторы, которые поэтапно вовлекали студентов в противоправную деятельность.

Этапы, которые проходили протестные настроения студентов, были представлены:

- социальным недовольством: условиями обучения, проживания на территории вуза, отношением к себе ряда преподавателей и пр.;
- проявлением недовольства политического характера под влиянием антигосударственных настроений внутри учебного заведения или вне его.

Студенчество в рассматриваемый период выступало важным инструментом решения антигосударственных политических задач по дискредитации российского правительства внутри страны и за ее пределами по целому ряду условий: во-первых, удобство того, что вместе собраны несколько тысяч молодых людей или девушек, знающих друг друга и имеющих возможность быстро связываться по различным вопросам. Поэтому любая идея, вброшенная в студенческое сообщество и заинтересовавшая его, сможет за очень короткий срок овладеть умами студентов и считаться «родившейся» именно в их среде. Во-вторых, любую деструктивную политическую или мировоззренческую идею можно замаскировать под строго научную или образовательную и предложить студентам ее разрабатывать. В-третьих, именно образование и наука при должном обосновании могут выступить значимым средством успешного проведения антигосударственной деятельности. Примером реализации последнего условия может служить опубликованная в газете «Россия» статья «Парадоксальный взгляд на Достоевского», адресованная студенчеству. В ней, помимо задачи развенчать литературную деятельность Ф. М. Достоевского, автор, обращаясь к студентам, страстно говорит о каких-то невыносимых страданиях, якобы переживаемых русскими людьми вследствие господствующего в России режима, и о необходимости бороться с источниками этих будто бы непомерных страданий [6, с. 15]. И подобных публикаций, обращенных к студентам, было великое множество в центральной печати и вузовских библиотеках. Например, в университетах пользовалось популярностью якобы научное сочинение немецкого социолога Л. Вольтмана «Теория Дарвина и социализм», в котором восхваляется теория Дарвина и «естественный отбор» в обществе как противостояние социализму. То есть студенту предлагалось под видом науки принять одну из двух противоестественных российскому мировоззрению политических теорий. И студенты их принимали, участвуя в противоправных действиях под лозунгами борьбы за свои права. При этом любые ответные меры на студенческие беспорядки со стороны руководства вуза или полиции по отчислению студентов или их арестам тут же становились новым поводом по обвинению властей в «удушении просвещения и науки», «уничтожении свободы мысли и высшего образования».

Одним из проявлений результатов деструктивного информационно-психологического влияния на российское студенчество была организация массовых политиче-

ских волнений в высших учебных заведениях и за их пределами. В одних случаях они были следствием каких-либо непродуманных действий со стороны руководства вуза, полиции или иных лиц, чем умело пользовались организаторы беспорядков. Подобные проявления недовольства со стороны студентов достаточно быстро и конструктивно решались руководством вуза. В других случаях и, как правило, следующим этапом влияния на умонастроения студентов являлись выступления политического характера, за которыми стояли политические группировки и партии, осуществлявшие антигосударственную и антиправительственную деятельность. Воздействие на студентов в обоих случаях проходило двумя основными путями: через сотрудников и преподавателей университета, являвшихся членами каких-либо радикальных партий, влиявших на студентов в ходе образовательного процесса, и индивидуальных бесед; через «случайные» знакомства студентов внутри и вне стен высших учебных заведений. Таким образом, от того, насколько руководство вуза или сотрудники полиции были готовы разобраться в истоках студенческих беспорядков, во много зависела реакция других студентов и рост или прекращение дальнейших студенческих волнений. В тех случаях, когда руководство вуза осознавало, что даже политические заблуждения студентов правильнее решать педагогическими путями, индивидуальными беседами и пр., большинство проблем снималось на начальной стадии. В этом отношении показателен пример Императорского Московского университета, когда в течение 13 лет (1887–1899) было отчислено более 1500 студентов, из которых около трети – по представлению полиции, остальные – по решению руководства университета [7, с. 3]. И каждая новая волна отчислений была более многочисленна, чем предыдущая. Подобные меры борьбы с деструктивной и противоправной деятельностью студентов Московского университета, очевидно, не только не приносили результата, но и усиливали социально-политический характер последующих выступлений. Иногда радикальные меры сочетались с мерами воспитательного характера: беседами со студентами, привлечением студентов к благотворительным акциям (например, дежурству в госпиталях в 1904–1905 и 1914–1917 гг.) [2, с. 2].

Можно лишь представлять силу информационно-психологического воздействия на студентов (и это в условиях действия университетской инспекции, которая контролировала их деятельность даже вне стен вуза), если в стенах столичного Санкт-Петербургского университета во второй половине 1880-х гг. сформировалась студенческая группа, готовившая убийство Императора Александра III – главу своей страны. А руководителем этой группы выступал Александр Ульянов – родной брат В. И. Ленина. Своего рода центром заговора стали вполне легальные научные кружки и землячества – объединения студентов, представлявших различные города и регионы Российской империи, продолжавшие свою деятельность до 1917 г. [8]. Территориальная доступность высших учебных заведений для жителей практически любого региона России являлась не только важным достижением образовательной политики правительства, но и инструментом распространения деструктивных политических идей. Ярким примером может служить Томский технологический институт, в котором около половины студентов представляли регионы, более чем на 2 тыс. верст удаленные от самого университета, и который выступал центром революционных идей еще в самом начале XX в. [9; 10].

С начала XX в. во всех вузовских центрах России представителями различных партий и организаций в среде студенчества усиливалась антигосударственная и антиправительственная деятельность. Она осуществлялась различными способами и в различных формах [11, Л. 1; 12, Л. 4]. Одной из самых распространенных форм, как и ранее, была организация якобы научных или общественных студенческих

объединений. Например, в Казанском университете активным средством деструктивного влияния на студентов являлись литературный, Менделеевский и другие студенческие научные кружки. На их собраниях активно распространялись антивоенные установки, находившие поддержку у определенной категории студентов, ориентированных на критику правительства [11, Л. 1; 12, Л. 4]. Осуществлялась подобная деятельность через чтение определенным образом подобранных литературных произведений, околонаучных работ националистов, как правило украинских и польских, лекции университетской профессуры – членов либеральных и социалистических партий, а также произведения ряда западных философов и социологов. Антиправительственный настрой студенчества формировался и непосредственно в ходе учебных занятий. Широко известные профессора П. Н. Милюков, В. И. Вернадский, А. А. Мануйлов, Н. А. Кизеветтер, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов, В. О. Ключевский и др. на лекциях описывали преимущества для России республиканского строя, необходимости расширения «гражданских свобод», а на якобы научных семинарах по общественно-политическим темам поднимали вопросы активного участия студентов в этих процессах. И таким образом в их сознании постепенно стирали грань между наукой и политикой.

Во многих высших учебных заведениях некоторые студенты уже являлись членами социалистических партий и агитировали за проведение террористических актов против государственных служащих или подготовку вооруженных выступлений прямо в стенах своего вуза. К таковой, например, относилась деятельность студентов – членов партии социалистов-революционеров и РСДРП медицинского факультета Юрьевского университета и Юрьевских частных университетских курсов [13, Л. 1–2]. Вскоре начался процесс объединения нелегальных студенческих организаций. Например, в Петрограде произошла организация «Объединенного комитета студенческих социал-демократических организаций высших учебных заведений Петрограда» [14, Л. 10], в Саратове возник «Коллектив демократического студенчества высших учебных заведений г. Саратова» [15, с. 105], а в Московском университете – «Студенческий дом» [15, с. 105].

Еще одной формой скрытого деструктивного влияния на студентов выступали «землячества», которые во всех вузах, где были организованы, служили действенным инструментом влияния на студентов для приведения в действие протестных настроений на вероисповедной, национальной или политической основе [7, с. 12–13]. Осуществлялось это через просьбы о распространении антивоенных листовок за выход из войны (по сути, на условиях противника) [15, с. 104–105]; призывы участия студентов в якобы культурных и просветительских мероприятиях, на которых осторожно вбрасывались идеи необходимости антиправительственных акций и выступлений [16, с. 52–53]. Подобную деятельность подтверждают и результаты обысков, произведенных полицией в вполне «мирных», на первый взгляд, структурах, таких как «Студенческие столовые» Московского университета и Московского коммерческого института, где была найдена революционная литература и оружие [17, Л. 6; 18, Л. 7]. Таким образом, «за фасадом» на первый взгляд вполне мирных и легальных студенческих объединений скрывалась деструктивная по отношению к обществу антиправительственная деятельность. А студенческие объединения выполняли роль площадок, через которые можно было доводить до сведения сотен и тысяч студентов нужную информацию и диктовать определенные действия [7, с. 39]. Например, в стенах ряда Санкт-Петербургских вузов в марте 1905 г. распространялись такие воззвания: «Студенты! ...Мы должны протестовать... Неверно, что беспорядками усиливается оппозиционное настроение – последнее есть причина, а не следствие

беспорядков. Беспорядки суть признаки подъема духа в студенчестве и, вместе с тем, предохранительные клапаны в которые улетучивается накопленная энергия... Не бессильными вспышками гнева мы должны протестовать, а борьбой с политическим строем России» [19, с. 21–22]. Или: «Очевидно, что революционная деятельность не только плодотворнее, но и безопаснее: не всякий революционер попадается, да и тюрьма и ссылка легче солдатчины, особенно на Квантуне, откуда мало шансов вернуться живым... Мы должны работать для устранения причины зла – современного государственного строя России» [19, с. 22]. Очевиден верх цинизма и безнравственной позиции авторов этого воззвания к студентам: во-первых, студенты рассматриваются лишь как средство для осуществления беспорядков и политических убийств, во-вторых, тюрьма за антигосударственную деятельность преподносится благороднее защиты Родины от японского вторжения.

Ряд преподавателей вузов ясно осознавал опасность подобного влияния на студентов не только с позиций российского высшего образования, но и для государственности в целом. Например, свидетель подобных умонастроений профессор Императорского Санкт-Петербургского университета А. Ф. Гусев отмечал: «Каждому, кто бывал вольным или невольным свидетелем уличных студенческих волнений в России, известно, что их руководители всевозможными средствами добиваются того, чтобы довести дело даже до кровавого столкновения с полицией или с войсками. Эти мерзости проделываются с той целью, чтобы потом кричать на весь мир о жертвах якобы правительского произвола и насилия и навербовать новых сторонников и союзников» [6, с. 15]. А деятельность полиции, по представлению которой руководство вузов закрывало деструктивные студенческие объединения, нередко интерпретировалась в студенческой среде как наступление на гражданские права, обскурантизм и гонение научной мысли в вузах.

Показательным примером могут служить события 1911 г., когда получившие информацию о противоправных действиях студентов сотрудники Департамента полиции прошли в здание Московского университета и в химической лаборатории застали собирающих под руководством приват-доцента бомбу. При осмотре было найдено еще несколько взрывных устройств. «Кровавый царский режим», против действий которого выступали студенты-революционеры, уволил приват-доцента и отчислил студентов, участвовавших в этом деле. После этого министром народного просвещения были запрещены все студенческие общественные организации в университете. В знак протеста против «вмешательства полиции в жизнь университета и нарушения его автономии», а также «произвола властей» большая группа профессоров подала прошения об увольнении из университета. Естественно, что подобный шаг преподавателей, который следует расценивать как открыто выраженную поддержку антиправительственных настроений, вызвал новую волну студенческих протестных выступлений.

Таким образом, к началу XX в. высшие учебные заведения и студенческие организации были не только образовательными и научными площадками, но и активными центрами антигосударственной деятельности, в которых легальными и нелегальными путями распространялась революционная литература и периодические издания; члены революционных организаций целенаправленно поступали в университеты для проведения антиправительственной деятельности и возможности личного подбора новых членов в подобные организации. Так, в Московском университете практически легально действовал кружок П. Струве, где обсуждались идеи социализма и либерализма, в Казанском университете действовал нелегальный марксистский кружок, одним из лидеров которого был В. Ульянов.

Серьезность антигосударственной обработки умов значительного числа российских студентов хорошо иллюстрируют примеры начала XX в. Так, в самом начале 1917 г., еще до февральских событий, за призывы к вооруженному восстанию, к убийствам государственных деятелей и чинов полиции, за проведение агитации среди других студентов были арестованы трое студентов Казанского университета. В ответ на это вполне закономерное действие полиции более тысячи студентов университета заявили о забастовке и прекращении занятий до освобождения студентов. Забастовка прекратилась только тогда, когда ректор предъявил документы студентов, заверив, что они не отчислены и их документы не в полиции [20, с. 290–291]. Аналогичные события в эти же дни прошли и в Саратове, где в акции участвовали студенты трех крупных вузов [21, Л. 1]. И подобных примеров – десятки по всей стране. Очевидно, что студенты в таких акциях выступали лишь инструментом идеологических манипуляций, а их массовые выступления – средством борьбы с российской государственностью как внутренних, так и внешних сил.

Деструктивные силы в целях пропаганды революционных настроений в среде студентов активно использовали антивоенную проблематику, поскольку справедливо полагали, что социальные проблемы и политическая нестабильность в тылу неизбежно будут вести к проблемам на фронте, а проблемы на фронте приведут к росту новых проблем в тылу. Так, в Петроградском университете была сорвана лекция профессора П. П. Мигулина, читавшего курс «О текущей (Первой мировой. – А. Р.) войне» [22, Л. 46], в Харьковском технологическом институте состоялась студенческая сходка численностью около 600 человек, на которой большая часть выступлений сопровождалась призывами к прекращению войны [12, Л. 4]. А для решения этих задач использовалась в том числе и образовательная риторика. Логика антивоенных манипуляций студентами была очень проста. Обращаясь к ним как к будущим общественным деятелям, ученым, просветителям, которые будут обеспечивать процветание страны, подчеркивалось, что «их молодая жизнь может оборваться в случае отправки на фронт». Агитаторы, проводившие подобные идеи, явно манипулировали сознанием студентов, поскольку все великие ученые, деятели образования и культуры, в том числе и современники тех поколений студентов, безмерно любили свою страну и дорожили ее будущим. Ведь, например, Н. И. Пирогов в годы Крымской и Русско-Турецкой войн служил военно-полевым хирургом, Д. И. Менделеев – активно сотрудничал с Военным министерством, А. С. Попов был преподавателем военных учебных заведений и автором ряда изобретений в области военной техники и множество других примеров.

Протестные настроения во многом свойственны молодежи и в определенном смысле являлись даже «модными», чем нередко пользовались политические манипуляторы. В этой связи очень показательна, казалось бы, странная ситуация с быстрым изменением в умонастроениях российских студентов после февраля 1917 г. по отношению к войне. Студенческое большинство и по другим важнейшим политическим вопросам стремительно поменяло свои позиции. Оно уже не желало скорейшего прекращения войны, напротив, стало использовать риторику про освободительную войну за новую Россию. Лозунг «Долой войну!» на студенческих митингах поменялся на «Войну до победного конца!», а студенты-медики, еще недавно готовые организовать забастовку и не посещать занятия в знак протеста против войны, теперь с таким же энтузиазмом намеревались отказаться от государственных экзаменов ради того, чтобы немедленно приступить к врачебной деятельности на фронте [23, Л. 12]. Связано это было вовсе не с подъемом патриотических чувств, а с новым этапом манипулирования сознанием студентов. Поскольку первая часть

задач была решена: устранена самодержавная власть, правительство полностью заменено на новое из западно-ориентированных крупных банкиров и промышленников, было необходимо решать новую задачу: личное обогащение на военных заказах и пополнение вкладов в британские и американские банки, передача иностранному капиталу военных заказов и военной промышленности. А одним из инструментов решения новых задач вновь выступали десятки тысяч российских студентов.

Параллельно решалась и еще одна задача: ослабление прежде высокого научного и образовательного потенциала России. Если студентов «занять» общественно-политической деятельностью, на первый взгляд даже благородной и полезной, то неизбежно ослабевает их важнейшая обязанность – овладение наукой и получение серьезного профессионального образования. Ведь именно наука и образование прежде всего делают студента студентом.

Результаты подобного манипулирования студенчеством очень ярко проявились после февральских событий 1917 г. Министерство просвещения сообщало Временному правительству о повсеместном прекращении занятий в вузах, поскольку невозможно было собрать студентов на занятия. Они занимались чем угодно: агитацией в деревнях и на заводах, «просвещением», бегством на фронт, кроме образовательного процесса и научных исследований [22, Л. 75–77, 83, 96]. При попытках вернуть студентов к систематическим занятиям руководство вузов сталкивалось с забастовками, голодовками и протестами. И в итоге все вузы вынуждены были переносить занятия и сессии на неопределенный срок. При этом десятки тысяч отсутствовавших в вузах студентов получали стипендии и числились студентами, выполняя внушенные им псевдогуманные задачи [22, Л. 103–104, 125]. К концу 1917 г. после закрытия более половины вузов по вполне объективным причинам студенчество сократилось более чем в четыре раза и в своем сложившемся за полтора столетия виде перестало существовать.

Для того чтобы в современных условиях вырабатывать меры противодействия деструктивному политическому влиянию на обучающихся, замаскированному под всевозможные якобы научные теории, социальные «проекты», акции протеста и пр., важно понимать, что же толкает даже аполитичную молодежь к участию в подобных мероприятиях. И здесь практика информационно-психологического влияния на обучающихся начала XX в. полностью повторяется в XXI в.: апелляция к моральным и этическим ценностям, призывающая обучающихся к солидарности с якобы угнетенными группами населения и борьбе за справедливость; формирование ощущения причастности к важному общему делу, созданию коллективной идентичности и готовность к риску ради внедряемых идеалов; пробуждение чувства несправедливости через обсуждение реальных социальных и национальных проблем и продвижение идеи о необходимости перемен.

Формирование подобного психологического «фона» опиралось на хорошее знание поведенческих особенностей молодежи: юноши и девушки, становясь обучающимися средних и высших учебных заведений и попадая в относительно замкнутые корпорации со своими правилами и условиями жизни, не всегда были готовы находить в себе смелость идти против «модных» и популярных радикальных идей. А эти идеи влияли на студентов разными путями: через занятия у либеральных преподавателей и в научных кружках общественно-политической направленности, в ходе заседаний землячеств, из нелегальной вузовской печати и определенной научной литературы и пр. То есть, по сути, обучающиеся, оказываясь в условиях активного потребления разнородной информации, не были готовы к ее адекватному восприятию и ценностному анализу.

Важно обратить внимание и на весьма распространенное в современных психологических исследованиях суждение о том, что одним из важнейших средств преодоления индоктринации у обучающихся является выработка у них критического восприятия чужих идей. Однако критическое отношение к идеям и теориям – процесс двусторонний. В начале XX в. деструктивное информационное и психологическое воздействие на обучающихся было направлено на развитие именно критического взгляда на окружающую действительность и использовался довольно известный психологический прием: сначала зародить сомнение в имеющихся ценностях, потом предложить альтернативные, а затем постепенно поменять одни ценности на другие. И кумирами становились не выдающиеся государственные деятели или защитники Отечества, а «борцы за свободу» – профессора П. Б. Струве или П. Н. Милюков, студенты Александр Ульянов или Дмитрий Каракозов, явившиеся, по сути, убийцами и сторонниками терроризма. При этом объектом манипуляций подобных деятелей выступали десятки тысяч российских учащихся и студентов.

Манипулирование умонастроениями российского студенчества показало и недостаточно внимательное отношение со стороны воспитателей и учителей к учащимся средних учебных заведений, к их склонностям, интересам, ценностям. Ведь успешных выпускников средних учебных заведений – граждански сформированных студентов – невозможно вовлечь в противоправную, антиправительственную деятельность. Поэтому в современных условиях, как показывает опыт начала XX в., крайне важно: во-первых, более внимательно относиться к подбору преподавательского персонала, поскольку не всегда научный статус, известность и преподавательский талант являются гарантией взвешенной гражданской и педагогической позиции; во-вторых, осознание того, что любое воздействие на студентов, не относящееся к их основным задачам – овладению научной деятельностью и получению классического или профессионального высшего образования, будет их от этих действий отвлекать и, таким образом, наносить вред российской науке, образованию и профессиональной сфере; в-третьих, недопущение мифологизации или героизации на основе исторических или литературных примеров антигосударственных и антиправительственных выступлений в Российской империи (например, юбилеев попытки государственного переворота 1825 г. или революции 1917 г.), поскольку восхваление подобных исторических событий естественным образом порождает соответствующие увлечения (и не всегда только научные) обучающихся в XXI в.

Все это требует разработки методик и педагогических практик по формированию у студентов, прежде всего педагогических направлений подготовки, устойчивого противодействия деструктивному информационно-психологическому и политическому влиянию на обучающихся, с опорой на имеющийся исторический опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Двойнин А. М., Буланова И. С. Психология индоктринации: подходы и современные направления исследований // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 3–15.
2. Доклад Комиссии, избранной Советом Императорского Московского университета 28 февраля 1901 года, для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни. М.: Ун-тская тип., 1910. 139 с.
3. Доклад Комиссии, избранной Советом профессоров Императорского Казанского университета 15 марта 1901 года, о причинах студенческих волнений и способах их устранения. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1901. 47 с.

4. Килячина А. И. Образовательная политика в области развития системы непрерывного образования в Российской империи начала ХХ века // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2023. Т. 17, № 3. С. 189–209.
5. Килячина А. И. Доступность образования в начале ХХ века как педагогическая проблема в историко-педагогических исследованиях // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2024. Т. 18, № 2. С. 35–53.
6. Гусев А. Ф. Студенческие волнения в России и славянский вопрос. СПб., 1901. 23 с.
7. Материалы по истории студенческого движения в России. Доклад Комиссии Московского университета 1901 года о причинах студенческих волнений. Лондон – СПб.: Свободная мысль, 1906. 101 с.
8. Килячина А. И. Динамика территориальной доступности высшего образования для населения России в начале ХХ века // Историко-педагогические чтения. 2024. № 28. С. 147–152.
9. Килячина А. И. Социальная доступность высшего технического образования в России в начале ХХ века // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2024. Т. 5, № 3. С. 5–10.
10. Матвеев М. И. Революционное движение студентов Томского технологического института накануне первой русской революции. (1900–1904 гг.). Б. м., 1960. С. 18–43.
11. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. ОО. Д. 59. Ч. 28. Л. 1.
12. ГА РФ. Ф. 102. ОО. Д. 59. Ч. 88. Л. 1–4.
13. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 153. Д. 358. Л. 1–2.
14. ГА РФ. Ф. 102. ОО. Д. 64. Ч. 71–6. Л. 1–10.
15. Шалагинова Л. М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 102–106.
16. Думный В. В. Материалы о московском Студенческом доме (1915–1917 гг.) // Советские архивы. 1983. № 5. С. 50–53.
17. ГА РФ. Ф. 63. Оп. 37. Д. 181. Л. 1–6.
18. ГА РФ. Ф. 63. Оп. 37. Д. 184. Л. 1–7.
19. Энгель Е. А., Горохов В. Из истории студенческого движения 1899–1906. СПб.: В. К. Сердаковский, 1906. 128 с.
20. Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ленина за 125 лет, 1845–1930. Казань, 1930. 382 с.
21. ГА РФ. Ф. 102. ОО. Д. 59. Ч. 69. Л. 1.
22. ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–125.
23. ГА РФ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–12.

REFERENCES

1. Dvoynin A. M., Bulanova I. S. Psikhologiya indoktrinatsii: podkhody i sovremennoye napravleniya issledovaniy. *Voprosy psichologii*. 2020, Vol. 66, No. 4, pp. 3–15.
2. Doklad Komissii, izbrannoy Svetom Imperatorskogo Moskovskogo universiteta 28 fevralya 1901 goda, dlya vyyasneniya prichin studencheskikh volneniy i mer k uporyadocheniyu universitetskoy zhizni. Moscow: Un-tskaya tip., 1910. 139 p.
3. Doklad Komissii, izbrannoy Svetom professorov Imperatorskogo Kazanskogo universiteta 15 marta 1901 goda, o prichinakh studencheskikh volneniy i sposobakh ikh ustraneniya. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta, 1901. 47 p.
4. Kilyachina A. I. Obrazovatel'naya politika v oblasti razvitiya sistemy nepreryvnogo obrazovaniya v Rossийskoy imperii nachala XX veka. *Vestnik MGPU. Ser.: Pedagogika i psichologiya*. 2023, Vol. 17, No. 3, pp. 189–209.
5. Kilyachina A. I. Dostupnost obrazovaniya v nachale XX veka kak pedagogicheskaya problema v istoriko-pedagogicheskikh issledovaniyakh. *Vestnik MGPU. Ser.: Pedagogika i psichologiya*. 2024, Vol. 18, No. 2, pp. 35–53.
6. Gusev A. F. *Studencheskie volneniya v Rossii i slavyanskiy vopros*. St. Petersburg, 1901. 23 p.
7. Materialy po istorii studencheskogo dvizheniya v Rossii. Doklad Komissii Moskovskogo universiteta 1901 goda o prichinakh studencheskikh volneniy. London – St. Petersburg: Svobodnaya mysl, 1906. 101 p.

8. Kilyachina A. I. Dinamika territorialnoy dostupnosti vysshego obrazovaniya dlya naseleniya Rossii v nachale XX veka. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya*. 2024, No. 28, pp. 147–152.
 9. Kilyachina A. I. Sotsialnaya dostupnost vysshego tekhnicheskogo obrazovaniya v Rossii v nachale XX veka. *Aktualnye problemy pedagogiki i psichologii*. 2024, Vol. 5, No. 3, pp. 5–10.
 10. Matveev M. I. *Revolyutsionnoe dvizhenie studentov Tomskogo tekhnologicheskogo instituta nakanune pervoy russkoy revolyutsii. (1900–1904 gg.)*. B. m., 1960. Pp. 18–43.
 11. Gosudarstvennyy Arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF). F. 102. OO. D. 59. Ch. 28. L. 1.
 12. GA RF. F. 102. OO. D. 59. Ch. 88. L. 1–4.
 13. GA RF. F. 102. Op. 153. D. 358. L. 1–2.
 14. GA RF. F. 102. OO. D. 64. Ch. 71–b. L. 1–10.
 15. Shalaginova L. M. Studencheskoe dvizhenie nakanune i v dni Fevralskoy revolyutsii. *Voprosy istorii KPSS*. 1967, No. 2, pp. 102–106.
 16. Dumnyy V. V. Materialy o moskovskom Studencheskem dome (1915–1917 gg.). *Sovetskie arkhivy*. 1983, No. 5, pp. 50–53.
 17. GA RF. F. 63. Op. 37. D. 181. L. 1–6.
 18. GA RF. F. 63. Op. 37. D. 184. L. 1–7.
 19. Engel E. A., Gorokhov V. *Iz istorii studencheskogo dvizheniya 1899–1906*. St. Petersburg: V. K. Serdakovskiy, 1906. 128 p.
 20. Korbut M. K. *Kazanskiy gosudarstvennyy universitet im. V. I. Lenina za 125 let, 1845–1930*. Kazan, 1930. 382 p.
 21. GA RF. F. 102. OO. D. 59. Ch. 69. L. 1.
 22. GA RF. F. 2315. Op. 1. D. 26. L. 1–125.
 23. GA RF. F. 2315. Op. 1. D. 90. L. 1–12.
-

Рыжов Алексей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет

e-mail: Ryzhovan@mgpu.ru

Ryzhov Alexey N., ScD in Education, Associate Professor, Professor, Pedagogy Department, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University

e-mail: Ryzhovan@mgpu.ru

Статья поступила в редакцию 07.09.2025

The article was received on 07.09.2025